

УДК 94(47) 046-047-048

JEL H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-32-38

**Филимонов Дмитрий
Александрович**

канд. соц. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4041-5238

e-mail: fda70@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Начало XVIII в. – эпоха преобразований Петра I, затронувших многие сферы жизнедеятельности российского общества, и, в частности, вызвавших перестройку высшей политической элиты. Реформы были, с одной стороны, обусловлены процессами конца XVII в., с другой – спецификой петровского абсолютизма и длительным периодом военных действий. В статье проанализированы особенности петровских реформ высшей политической элиты. Рассмотрены предпосылки реформ, проанализирована кадровая политика Петра I, ее подходы и принципы. Особое внимание уделено институциональным изменениям, при этом были рассмотрены механизмы, использованные Петром I при замене устаревших институтов новыми. Анализ качественного состава элиты позволил установить преемственность между петровской политической элитой и аристократией прежнего периода с изменением принципов взаимодействия. Послереформенное российское государство строится уже не на принципах «служилого государства», а на абсолютизме с рациональным подходом и принципом «годности».

Ключевые слова: политическая элита, аристократия, служилое государство, Россия в XVIII веке, Петр I, петровские реформы, кадровая политика Петра I, церковная политика Петра I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Цитирование: Филимонов Д.А. Модернизация политической элиты российского государства в контексте петровских преобразований // Вестник университета. 2021. № 10. С. 32–38.

Dmitry A. Filimonov
Cand. Sci. (Soc.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4041-5238
e-mail: fda70@yandex.ru

MODERNISATION OF THE RUSSIAN STATE'S POLITICAL ELITE IN THE CONTEXT OF PETER THE GREAT'S TRANSFORMATIONS

Abstract. Early eighteenth century was the age of Peter the Great's transformations, which affected many spheres of life of Russian society, and, in particular, caused the restructuring of the highest political elite. The reforms were, on the one hand, conditioned by the processes of the late seventeenth century, on the other hand, by the specificity of Peter's absolutism and the long period of warfare. The article analyses the features of Peter's reforms of the higher political elite. The background to the reforms has been examined, and Peter the Great's personnel policy, approaches and principles have been analysed. Particular attention has been paid to institutional change, looking at the mechanisms used by Peter the Great in replacing obsolete institutions with new ones. An analysis of the qualitative composition of the elite made it possible to establish a continuity between the political elite of Peter the Great and the aristocracy of the earlier period, with a change in the principles of interaction. The post-reform Russian state is no longer built on the principles of the "servant state", but on absolutism with a rationalist approach and the principle of "suitability".

Keywords: political elite, aristocracy, servant state, Russia in the eighteenth century, Peter the Great, Peter the Great's reforms, personnel policy of Peter the Great, Church policy of Peter the Great

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42064.

For citation: Filimonov D.A. Modernisation of the Russian state's political elite in the context of Peter the Great's transformations. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 32–38. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-32-38

Введение

Преобразования, проведенные Петром I, затронули все сферы жизни российского общества. Перестройка общественных отношений требовала и модернизации механизмов управления на всех уровнях, начиная с политической элиты. Во многом будущие трансформации элиты были предопределены процессами конца XVII в., ознаменовавшимися как серьезными переменами в государственном управлении, так и острым противостоянием элитных групп. Масштабные институциональные изменения, проведенные Петром I, дали развитие наметившимся ранее тенденциям и сопровождалось острым противостоянием царя и приверженных его курсу политических элит со старой московской элитой. «Служилое государство» XVII в., бывшее переходной формой от Средневековья к Новому Времени и сыгравшее ключевую роль в выходе страны из кризиса начала XVII в., в процессе петровских реформ уступает место государству в полной степени соответствующем реалиям Нового Времени.

Материалы и методология

Эпоха петровских преобразований в целом и петровские преобразования высшей политической элиты в частности на протяжении длительного времени вызывают интерес исследователей. Среди отечественных исследователей, внесших наибольший вклад в разработку темы, прежде всего следует отметить работу А. Б. Каменского. Автору удалось провести комплексный анализ большого спектра работ, касающихся петровских преобразований [1]. Подробный анализ предпосылок, предопределивших и обусловивших петровские реформы в предыдущем XVII в. проведен в работах Г. В. Талиной [7]. Полное изложение биографии Петра I и хронологии его реформ изложено в работе Н. И. Павленко [3].

Предпосылки элитных трансформаций через изменение структуры государственной службы в конце XVII в. были проанализированы в работах Г. В. Талиной и А. С. Лаврова [2; 7]. Ряд исследователей уделил внимание непосредственно вопросам трансформации высшей политической элиты в процессе петровских преобразований. Прежде всего здесь следует отметить работу С. В. Черникова, где автор подробно анализирует состав и структуру высшей политической элиты эпохи Петра I [9]. Автором проведено серьезное исследование механизмов ее формирования. Представляет интерес работа Н. Н. Петрухинцева, посвященная анализу иностранного присутствия в российской высшей политической элите [5]. Не обошли вниманием вопросы формирования политической элиты и придворного общества при Петре I и иностранные исследователи. Особый интерес здесь представляет работа Р. Уортмана [8]. Кроме того, подробный анализ церковной политики провел П. А. Будин, который подробно проанализировал и обосновал механизм выбора Петром I модели проведения церковной политики и трансформации религиозной элиты [4].

Анализ приведенных работ позволяет утверждать, что имеется серьезный теоретический задел по исследованию как петровских преобразований в целом, так и трансформации высшей политической элиты в петровскую эпоху, в частности. Представляется важным уделить особое внимание трансформации внутриэлитных отношений в эту эпоху.

Результаты

Изменение характера политической элиты в процессе петровских реформ было подготовлено и отчасти предопределено политическими процессами предыдущей эпохи. Наиболее значимыми из них представляются формирование в XVII в. «служилого государства» вкупе с развитием абсолютизма; кардинальные изменения роли аристократии, сопровождавшиеся ликвидацией института местничества, столь значимого в предыдущую эпоху для регулирования внутриэлитных отношений, серьезные внутриэлитные противоречия конца XVII в. «Служилое государство» имело в качестве своей ключевой идеи службу Богу через службу царю, ценности царской службы и милости от царя. Служебное продвижение, получение чинов и назначений, включение в ближний царский круг рассматривалось как проявление этой царской милости, что к 1660-м гг. привело к приоритету лиц, получивших назначения от государя над теми, кто несмотря на высокое происхождение таких назначений не получил. Такое назначение – пожалование лично от царя могло частично компенсировать такие критерии, как происхождение и чин [7]. Формирующаяся абсолютистская модель власти, не отрицая роли аристократии в управлении государством, вместе с тем не признавала ее как

самостоятельную силу, что привело к пересмотру значимости происхождения, прав и привилегий аристократии, в пользу усиления принципов службы государству. В связи с этим царская власть пришла к выводу о необходимости ликвидации института местничества. Местнические отношения рассматривались не только как противоречия между служилыми людьми, но и как противоречие монаршим решениям. Возрастание роли службы в местнических отношениях, возникновение значительного числа «безместий» сокращало пространство местнических отношений вплоть до их отмены в 1682 г. Внутриэлитная борьба в конце XVII в. выразилась прежде всего через противостояние между Нарышкиными и Милославскими. Краткое правление Федора Алексеевича сменилось регентством Софьи Алексеевны над малолетними Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем. Матери царей-соправителей происходили из конкурирующих фамилий, что и способствовало борьбе аристократов за политическое влияние, выдвинуло на первый план аристократов. Механизмом укрепления положения при дворе и влияния становится введение в Боярскую Думу и государев двор большего числа своих сторонников, что приводит к появлению в политической элите «излишнего контингента» [9, с. 369] Дума оказывается в роли инструмента борьбы, в то время как реальное управление страной сосредотачивается в руках относительно узкой группы людей. Кризис служилой структуры, усиленный политическими противоречиями, приводит к развалу как в армии, так и во всей иерархии служилых чинов [6].

С конца XVII в. Петр I начинает кадровые реформы. На начальном этапе его действия традиционны для системы власти: царь принимается за «перебор людишек». В этот перебор входят казни отдельных персон, конфискации, опалы на некоторых видных бояр, отстранение от ключевых должностей в управлении ряда руководителей с выдвижением на эти ключевые позиции надежных и верных ему людей, в том числе из «подлых», таких как Меншиков или Шафиров. Помимо смены ключевых политических фигур проводился и «перебор» среди бюрократии. После августа 1689 г. ряд дьяков из крупных центральных приказов, державших ранее в своих руках основные нити бюрократической работы, были перемещены в провинцию. По мнению А. С. Лаврова, эти перемещения были обусловлены стремлением избавиться от тех, кто служил прежнему правительству и необходимостью подкрепить авторитет новых руководителей – сторонников Нарышкиных назначениями опытных кадров, на которые должна приходиться основная тяжесть административной работы [2].

Продолжением кадровой политики Петра I становятся институциональные изменения. Последовательно разрушаются старые институты государева двора. При этом царь действует не посредством грозных указов, решительно упраздняющих те или органы или чины, а лишает их подпитки кадрами [2]. Принятие наиболее важных политических решений переносится в новые органы управления, численность же старых неуклонно уменьшается. Со временем Боярская дума, не получившая кадровой подпитки, становится собранием старцев с весьма ограниченными полномочиями. Разрушение прежнего государева двора было частью разрушения всей старой чиновничьей иерархии, причем в наибольшей степени эти разрушения коснулись именно верхних ступеней служилой лестницы. Проводимые изменения не были изначально запланированы Петром. Однако начавшаяся Северная война обнаружила серьезные проблемы в эффективности государственного управления, которые Петр не мог игнорировать. Ему не удалось решить стоящие задачи, действуя по сценарию своих предков, используя думных и служилых людей и, при необходимости формируя дополнительные приказы и перераспределяя функции старых. Государственная машина не справлялась с возрастающей нагрузкой военного времени, постоянно давала сбой. Институт Боярской думы находился к началу XVIII в. в серьезном кризисе. Несмотря на наметившуюся ее бюрократизацию, в составе Думы преобладала титулованная и старомосковская знать, родственники царя и царицы, фавориты. Другими словами, процесс трансформации из института, представляющего интересы знати в профессиональный бюрократический институт с отработанными технологиями принятия решений, шел слишком медленно. Боярская дума не стала высшим бюрократическим учреждением типа главного приказа, который мог бы взять на себя на постоянной основе функции координации деятельности всех приказов [2].

В условиях распада старой служилой системы и постоянно ведущихся военных действий усиливается роль армии в качестве социального лифта. Отмечается, что если в 1692 г. из 6 686 человек столичных служилых в воинских начальных людях числилось 581 человек, что составляло 8,7 % их состава, то к 1721 г. их доля возрастает до 1 005 человек, что составляло порядка трети от общего числа служилых [2, с. 491]. Трансформируется властная идеология: вводится светский рационалистический образ власти, базирующийся на принципе «общего блага». Отношения между монархом и элитой строятся на основе служения не персоне,

а интересам государства как высшей ценности. Согласно мнению Петра, принцип «годности» распространялся как на дворянство, так и на самого императора [8, с. 97]. Это принцип, оформившийся в процессе реформ в формулу «знатность по годности считать», был воплощен в Табели о рангах. В этом документе фиксируется полный разрыв с прежней иерархией и установление принципиально новой лестницы чинов.

Рассматривая процессы трансформации политической элиты, невозможно не отметить значимость в России того времени религиозной элиты. Религиозная составляющая присутствовала во многих государственных ритуалах, патриарх был одной из самых влиятельных фигур в российском обществе. Сам механизм легитимации власти носил религиозный характер. Провести масштабные социально-политические изменения без церковного участия или хотя бы благословения было невозможно. С учетом того, что церковь в процессах трансформации занимает, как правило, традиционную позицию, а не новаторскую, она становится тормозом на пути реформ. Это обусловило необходимость Петру I взять под контроль церковную верхушку и вписать этот институт в формирующуюся политическую систему, базирующуюся на принципах рациональности и абсолютизма. Петр искал новую модель государственно-церковного взаимодействия среди зарубежных моделей. Он интересовался положением англиканской церкви, идеями Лютера, и в особенности механизмами церковного управления в Швеции. По мнению царя, церковь не должна ни в коем случае иметь каких-либо претензий к власти. Эта установка отменяла заимствование каких-либо католических моделей. Именно шведская модель, согласно которой церковь должна целиком подчиняться светской власти, была взята Петром за образец в процессе проведения церковной реформы [4].

Петр I не позволил после смерти патриарха Адриана в 1700 г. избрать нового патриарха, учредив Монастырский приказ во главе с боярином И. А. Мусиным-Пушкиным, который мало считался с местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским и другими церковными иерархами. Продолжавшееся до 1721 г. неопределенное положение церкви завершилось упразднением патриаршества и почти 200-летним синодальным периодом в ее истории. Управление делами церкви было передано Духовной коллегии (Святейшему Синоду), что поставило церковь в подчиненное положение по отношению к государству. Была введена жесткая система ограничений для поступления в монахи, а посредством податной реформы 1718 г. была еще и резко ограничена численность духовенства, введенного в штаты. Однако помимо административных мер необходимо было их идейно обосновать и сформировать новые церковные кадры, способные в этих условиях руководить церковной жизнью. Решить эти задачи Петру удалось выдвижением на руководящие посты двух выходцев с Малороссии: Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича. Оба они были хорошо образованы в контексте западных ценностей, что позволяло им наилучшим образом понимать политику, проводимую царем. Феодосий Яновский был деятельным администратором. Его усилиями в Санкт-Петербурге была основана Александро-Невская лавра, ставшая главным духовным центром новой столицы, что способствовало ее освящению (а значит и легитимации) в глазах общества. В новой лавре была организована Славянская школа, готовившая монахов для последующего назначения в епархии. Помимо этого, Феодосий стал первым вице-президентом Святейшего Синода, активно заботясь о делах церкви. Феофан Прокопович стал идеологом церковной реформы и создателем «Духовного регламента», зафиксировавшего приоритет светской власти над церковной. Согласно «Духовному регламенту» императоры приобретали главенствующую роль в церкви. «Духовный регламент» стал основным документом, определяющим государственно-церковные отношения на весь синодальный период. «Регламент» представляет собой церковный устав. В нем много внимания уделено вопросам церковной дисциплины, правилам ведения церковных книг и преподавательской деятельности священников. Церковь представлена как организация в ряду других организаций без подчеркивания ее мистической сущности как тела Христова. Реформа вызвала хоть и скрытое, но значительное недовольство в священнической среде. Купировать это недовольство Петру удалось оригинальным шагом: коллегия была преобразована в Синод, который не должен был подчиняться как другие коллегии Сенату, но был уравнен с ним в правах. Равноценность Синода и Сената порождала конфликты между этими органами по поводу принятия решений в различных областях социальной сферы, что потребовало создание специального органа для их сотрудничества. В этих условиях церковь боролась уже не за собственную самостоятельность от государственной власти, а за сохранение максимума влияния в общественной структуре.

Поскольку под высшей политической элитой мы понимаем круг лиц, непосредственно причастных к принятию важнейших политических решений, в государстве следует очертить этот круг применительно к данной

эпохе. По мнению Исабель де Мадарьяга аристократию в России XVII–XVIII вв. следует определять, как общественную группу, отмеченную «происхождением, наследственным или приобретенным состоянием, социальным и политическим статусом, и даже властью, впрочем весьма хрупкой, а также осознанием собственной принадлежности к элите, участвующей в управлении государством» [10, с. 273]. Эта группа представлена верхушкой гражданской, придворной и военной службы, имеющей возможность либо личного, либо институционального влияния на принимаемые политические решения. С. В. Черников, анализируя состав политических элит периода петровских реформ (1701–1725 гг.) выделяет пять категорий лиц. Первая – 22 человека членов «консилиев министров» (1707–1708 гг.); вторая – 33 сенатора из высших сенатских чинов (за период 1711–1725 гг.); третья – 40 человек президентов и вице-президентов коллегий (за период 1717–1725 гг.), а также руководители других центральных учреждений государства: Кабинета Петра I, Тайной, Медицинской, Главной дворцовой, Петербургской полицмейстерской канцелярий, Канцелярии от строений, Преображенского Монастырского, Ямского приказов; четвертая – 36 человек высшей губернской администрации (за период 1708–1725 гг.), включавшей в себя губернаторов, вице-губернаторов, а также лиц, реально управлявших губерниями; пятая – 98 человек генералитета, к которому отнесены военные и морские чины, упоминаемые в 1–5 классах Табели о рангах [9, с. 370–371].

Анализ качественного состава представленных выше категорий элит показывает несостоятельность двух мифов о Петре I, по сегодняшний день присутствующих в массовом сознании.

Первый миф провозглашает особую любовь Петра к иностранцам и его готовность жаловать их наиболее значимыми политическими постами в ущерб национальным русским кадрам. С. В. Черниковым в результате статистической обработки царской переписки 1701–1713 гг. было выявлено, что респондентами в 71 % случаев (132 человека) были русские и только оставшиеся 29 % (55 человек) иноземцами. Критерием разделения кадров на национальные и иноземные выступает религиозная принадлежность и время ее принятия. К русским (независимо от этнической принадлежности) относятся родившиеся на территории России и принявшие православие до начала царствования Петра I. К иноземцам отнесены люди родившиеся за пределами страны даже если в период царствования Петра они приняли православие. Гражданская администрация при Петре состояла преимущественно из русских (89 % или 85 % из 96 человек), однако принципиально иной была ситуация в генеральских чинах армии и флота, где соотношение русских с иноземцами было всего 55 % на 45 % [9, с. 372]. Такое соотношение обусловлено тем, что иностранцы как правило приглашались в Россию в качестве советников и специалистов. Зарубежный опыт в различных областях (технике, медицине, юриспруденции, военному делу) был необходим при проведении модернизации страны. Северная война, сопровождавшаяся милитаризацией экономики и системы управления страны, требовала соответствующие кадры специалистов. Для иностранца в русском государстве и ранее было проще всего сделать карьеру именно на военной службе, в период же военных действий эта возможность превращается в мощный канал вхождения в российскую элиту. Однако в действующей армии формирование военной элиты проходит в полевых условиях, вне двора и придворных церемониалов, позволяющих продемонстрировать место каждого в элитной структуре. Сами военные-иноземцы не идентифицировали себя как часть российской политической элиты, считая себя наемными военными специалистами. Они не были инкорпорированы в российское дворянство и не имели права владеть земельной собственностью ввиду наличия вероисповедных и социальных барьеров. Исключение составляли лишь ново завоеванные прибалтийские и отчасти украинские земли, однако и здесь не было им гарантий прочного и стабильного землевладения [5, с. 236]. Лишь немногим иноземцам удалось закрепиться в российской политической элите и оказывать влияние на внутрисполитическую жизнь страны.

Второй миф, закрепившийся в массовом сознании и поддерживавшийся как в царское, так и впоследствии в советское время, – это миф о «демократичности» Петра I. При этом приводится как пример приближение к царю неродовитого А. Д. Меншикова. Литература и кинематограф рисуют образ царя-труженика, вместе с простым народом занимающимся физической работой, благоволящего к простым людям более чем к родовитым. Вместе с тем Н. И. Павленко отмечал, что «внешний демократизм Петра никого не вводил в заблуждение относительно истинного характера его власти» [3, с. 245]. Сам царь не стремился стать народным царем, твердо зная, что в его государстве есть «благородное» сословие, призванное править и «подлое» сословие, призванное подчиняться.

Этот миф опровергает и упомянутое исследование С. В. Черникова. В исследовании была рассмотрена «русская» часть российской политической элиты и проанализировано ее происхождение. Для этого она была разделена на следующие четыре группы. Первая группа – фамилии, члены которых служили в высоких чинах (бояр и окольничих) до воцарения Романовых и сохранившие свой статус на протяжении XVII в. Сюда отнесены 15 фамилий, давших петровской политической элите 1701–1725 гг. 39 человек (порядка 30 %). К второй группе отнесены представители фамилий, которые достигли думных чинов со момента начала правления династии в 1613 г. до начала правления Петра в 1689 г. К этой группе отнесены 32 рода, делегировавших в петровскую элиту 42 человека (порядка 32 %). К третьей группе отнесены те фамилии, представители которых не входили в Боярскую думу, но были дворянами или занимали верхние позиции приказных служителей. Сюда отнесены 40 фамилий, из которых 45 представителей (порядка 34 %) оказались в составе петровской элиты. Вошедшие же в петровскую элиту недворяне составили четвертую самую малочисленную группу. В нее вошло всего 6 человек от разных фамилий (порядка 5 % состава петровской элиты). Это А. Д. Меншиков, П. П. Шафиров, А. В. Макаров, А. А. Курбатов, И. И. Исаев, Ф. М. Склеяев [9, С. 373–380]. Отсюда напрашивается вывод о том, что кадровая политика Петра I была ориентирована отнюдь не на усиление вертикальной мобильности и рекрутирование элиты снизу, а на традиционную элиту, сформировавшуюся в предыдущую эпоху. Небольшие же объемы вертикальной мобильности, проходящей благодаря личным качествам и заслугам, характерны практически для любой политической системы и способствуют сохранению эффективности управления политической элитой. Петру в процессе реформ мешала не столько старая аристократия как таковая, сколько устаревшие принципы ее комплектования и занятия ею политически значимых должностей. Проведенные в конце XVII в. реформы и, в частности, отмена местничества, а также нестабильное положение аристократии позволило Петру перевести свои отношения с ней в новый формат.

Заключение

Петровские реформы, серьезнейшим образом переменявшие российское общество начала XVIII в., нуждались в резком повышении эффективности управления государством, прежде всего центрального управления. Длительный период войны, которая иногда велась на два фронта требовал, с одной стороны, быстрой перестройки, адаптации управленческой системы к военным нуждам, с другой, давал царю возможность сосредоточить в своих руках большой объем полномочий, укрепить абсолютистское правление. Реформирование высшей политической элиты было преемственно изменениям, проведенным предшественниками, и базировалось на их результатах. Радикальность изменений касалась прежде всего институциональной сферы: старые институты были упразднены и заменены на новые, построенные на других принципах. Отношения же с аристократией сохраняли преемственность. В процессе петровских реформ аристократия не теряла своего элитного статуса. Менялся характер ее взаимоотношений с монархом: если ранее они строились на принципах «служилого государства» с рудиментарными институтами, пришедшими из предыдущих эпох, то теперь в полной мере устанавливался абсолютизм с рациональным подходом и принципом «годности».

Библиографический список

1. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
2. Лавров, А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое о-во и борьба за власть в верхах Рус. государства в 1682–1689 гг. – М.: Археогр. центр, 1999. – 298 с.
3. Павленко, Н. И. Петр Первый. – М.: Проспект, 2016. – 352 с.
4. Будин, П. А. Петр Великий и церковь // Сборник статей «Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы»; Пер.с швед. д. истор. наук В. Возгрина. – М.: Текст, 1999. – 319 с.
5. Петрухинцев, Н. Н. Проблемы интернационализации российской политической элиты в начале XVIII века // Проблемы истории России. – Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени / Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2011. – 464 с.
6. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2006. – 548 с.
7. Талина, Г. В. Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержавие. Очерки абсолютизирующийся монархии III четверти XVII века. – М.: Прометей, 2005. – 376 с.

8. Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. – М: ОГИ, 2004. – Т. 1.: От Петра Великого до смерти Николая I. – 605 с.
9. Черников, С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Санкт-Петербургский институт истории РАН. – СПб.: Наука, 2007, 603 с.
10. Madariaga, I., de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. – V. 2. Northern, Central and Eastern Europe. – New York, 1995, pp. 223–273.

References

1. Kamenskiy A. B. *From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII century (the experience of holistic analysis)*, Moscow, Russian State University for the Humanities, 2001, 575 p. (In Russian).
2. Lavrov A. S. *The regency of tsarevna Sophia Alekseevna: State service and the struggle for power at the top of the Russian state in 1682–1689*, Moscow, Archaeography Center, 1999, 298 p. (In Russian).
3. Pavlenko N. I. *Peter the Great*, Moscow, Prospekt, 2016, 352 p. (In Russian).
4. Budin P. A. Peter the Great and the church, *Collection of articles "Tsar Peter and King Charles. Two Rulers and Their Peoples"*, Translated from Swedish by Doctor of Historical Sciences V. Vozgrin, Moscow, Tekst, 1999, 319 p. (In Russian).
5. Petrukhintsev N. N. Problems of internationalization of the Russian political elite at the beginning of the XVIII century, *Problems of the History of Russia. Issue 9: Russia and the West in the Transitional Era from the Middle Ages to the New Time, Collection of Scientific Papers*, Yekaterinburg, NPMP "Volot", 2011, 464 p. (In Russian).
6. *The ruling elite of the Russian state of the IX – beginning of the XVIII century: essays on history*, edited by A. P. Pavlov, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, 548 p. (In Russian).
7. Talina G. V. *All Great and Small and White Russia autocracy. Essays on the absolutizing monarchy of the third quarter of the XVII century*, Moscow, Prometei, 2005, 376 p. (In Russian).
8. Wartman R. S. *Scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy*, In 2 vol., Moscow, OGI, 2004, vol. 1, From Peter the Great to the death of Nicholas I, 605 p. (In Russian).
9. Chernikov S. V. The Russian elite of the reform era of Peter the Great: composition and social structure, *The State and Society in Russia of the XV – early XX century: Collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov*, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Nauka, 2007, 603 p. (In Russian).
10. Madariaga I., de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries, *The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*, vol. 2, Northern, Central and Eastern Europe, New York, 1995, pp. 223–273.